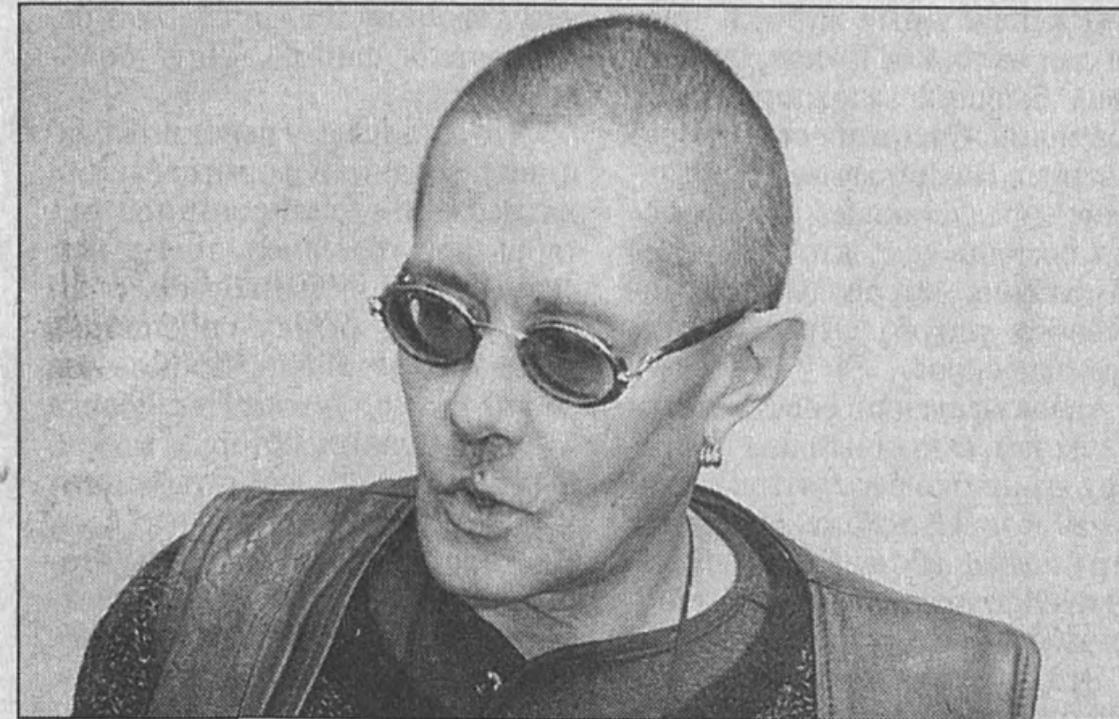

Мариуш ВИЛЬК, польский писатель, житель Соловков:

Известия - 2003 - 19 февр - с. 1, 3

Россию надо изучать через монастырь

Элитарный польский писатель и журналист Мариуш ВИЛЬК, бывший пресс-секретарь и доверенное лицо Леха Валенсы, дважды заключенный, подпольщик, человек, объехавший полмира, живший в Берлине и Париже, преподававший журналистику в Америке, очевидец московского путча и абхазской войны, двенадцать лет назад попал на многострадальные Соловки. О его жизни на Соловках спрашивает корреспондент архангельского бюро «Известий» Мария ЛЕОНТЬЕВА.

— Скажите, Мариуш, почему вы, западный человек, выбрали для жизни в России именно Соловки?

— На Соловках есть так называемые лабиринты — еще дохристианского, языческого происхождения. Древние саамы, населявшие эти земли, верили, что любой остров на северо-западе лежит на

полпути в потусторонний мир. Потом на Соловки пришли православные монахи, тоже в каком-то смысле люди на полпути в потусторонний мир, ибо монахи всегда помнят о смерти. И, наконец, — СЛОН. В лагере жили бок о бок со смертью. Для меня и колючая проволока, и стены обители повторяют рисунок лабиринтов ка-

менного века. Но поселок Соловецкий — это и микромодель России. Здесь есть и власть, и милиция, и военизированная охрана, музей и церковь, маленький бизнес, своя дума, своя преступность...

— Что с вами здесь произошло?

— Я здесь дозрел и обрел свободу.

— Что значит «дозрел»?

— Зрелость я воспринимаю как внутреннее согласие на одиночество. Одиночество помогает лучше понять другого: он одинок так же, как и ты. А незрелые люди постоянно ищут суеты, общения...

— А свобода?

— По Набокову вся видимая реальность — это текст (textum по-латыни означает и текст, и ткань), который мы видим с изнанки: узлы, точки, линии в никуда. Как письмо в зеркале. И лишь после смерти мы начинаем все это видеть с лицевой стороны. Если ты осознаешь смерть, то принимаешь и жизнь и пьешь ее, как старый коньяк, получая при этом чувство приятного опьянения. Это чувство я и называю свободой.

У свободы есть и другая грань — любовь. Смерть — один выход, любовь — второй. Третий — творчество.

(Окончание на 3-й стр.)